

БАРБАРА КИНГСОЛВЕР

БИБЛИЯ ЯДОНОСНОГО ДЕРЕВА

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
К41

Серия «Эксклюзивная классика»

Barbara Kingsolver

THE POISONWOOD BIBLE

Перевод с английского *И. Дорониной*

Серийное оформление *А. Фереза, Е. Ферез*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Публикуется с разрешения Frances Goldin Literary Agency, Inc.
(США) и Литературного агентства «Синописис» (Россия).

Кингсолвер, Барбара.

К41 Библия ядоносного дерева : [роман] / Барбара Кингсолвер ; [перевод с английского И. Я. Дорониной]. — Москва : Издательство АСТ, 2022. — 704 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-151449-5

Фанатичный миссионер Натан Прайс вместе с женой и дочерью покидает благополучную цивилизованную Америку и отправляется на Черный континент, в джунгли Бельгийского Конго, с твердой верой в Бога и с надеждой на то, что Господь поможет ему обратить местных жителей в христианство. Он проповедует яростно и страстно, но местные жители вовсе не жаждут принять благодатные дары. Они трепетно берегут свои святыни, чтут традиции предков и продолжают совершать свои дикие, порой бесчеловечные, обряды.

Но и в собственной семье Натана Прайса назревает бунт: домочадцы оказались не готовы к тяготам быта глухой африканской деревни. Все кажется им чуждым и пугающим — зловещие мрачные джунгли, где на каждом шагу подстерегает смерть; люди, встречающие их угрюмым молчанием, и даже сам Натан Прайс с его фанатичной, не знающей жалости верой...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-151449-5

© Barbara Kingsolver, 1998
© Перевод. И. Доронина, 2020
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2022

Посвящается Фрэнсис

От автора

Это повествование — роман. Все его основные персонажи вымышлены и, насколько мне известно, не имеют фактических прототипов. Но Конго, страна, в которую я их поместила, подлинна. Исторические фигуры и события, здесь описанные, реальны во всем их поразительном разнообразии настолько, насколько я сумела воспроизвести их с помощью документов.

Во время подготовительных изысканий и в процессе написания романа доступ в Заир был для меня закрыт, и я полагалась на память, на впечатления от путешествий по другим регионам Африки, на свидетельства людей о естественной, культурной и социальной истории Конго-Заира. Богатство и ценность этих источников — для меня, для любого читателя, который, вероятно, захочет узнать больше о фактах, на каких зиждется вымысел, — таковы, что я процитировала многие из них в библиографическом разделе в конце книги. Наиболее полезным среди них было описание постколониальной истории Заира Джонатаном Куитни в его превосходной книге «Бесконечные враги», она и стала пружиной написания романа на ту же тему. Я постоянно возвращалась к тексту, чтобы представить полную картину и бес-

численное множество мелких деталей, помогающих проникнуть в самую суть. Почерпнула я и самые разные полезные рекомендации из классического текста Дженхайнц Джэн «Мунту: новая африканская культура»; из романа Чинуа Ачебе «Все рушится»; из книги Алана П. Мерриам «Конго: история конфликта», а также из документального повествования Дж. Хайнца и Х. Доннея «Лумумба: последние пятьдесят дней». Я не смогла бы написать эту книгу без двух важных источников литературного вдохновения, приблизительно равных по размеру: киконго-французского словаря и Библии короля Якова.

Опиралась я также на помощь своих энергичных друзей, кое-кто из них, вероятно, боялся испустить дух прежде, чем я закончу громоздить перед ними новые версии огромного манускрипта. Стивен Хопп, Эмма Хардести, Френсис Голдин, Терри Картен, Сидель Креймер и Лиллиан Лент читали мои многочисленные черновики и делились со мной бесценными комментариями. Эмма Хардести проявила чудеса товарищеского такта, дружелюбия и эффективности, что позволило мне без помех заниматься писательским трудом. Энн Маирс и Эрик Питерсон помогли разобраться в грамматике киконго и конголезской жизни. Джим Малуза и Соня Норманн подарили мне свои идеи для окончательного отбора материала. Кейт Теркингтон поддерживала меня из Южной Африки. Мумиа Абу-Джамал читал рукопись и разбирал ее в тюрьме. Я благодарна ему за понимание и отвагу.

Особая благодарность Вирджинии и Уэнделлу Кингсолверам за то, что они ни в чем не были похожи на родителей, каких я создала для этой книги

в своем воображении. Мне повезло быть дочерью врачей, работников здравоохранения, которых сострадание и любознательность привели в Конго. Они привезли меня в эту страну чудес, научили наблюдательности и рано поставили на путь освоения великого, постоянно меняющегося пространства между справедливостью и правом.

Почти тридцать лет я ждала, когда придут мудрость и зрелость, чтобы написать эту книгу. То, что теперь я ее сочинила, не свидетельствует об обретении ни того, ни другого, а стало возможным лишь благодаря бесконечной поддержке, безусловной вере, успокаивающим беседам и кипам справочников по обрядам и заговорам, доставлявшимся как нельзя вовремя моим замечательным мужем. Спасибо тебе, Стивен, за то, что показал мне: не зачем ждать того, что только представляется далеким, и научил верить в то, что бывает полезно рискнуть.

Книга первая

БЫТИЕ

И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими [и над зверями] и над птицами небесными и над всяким животным, пресмыкающимся по земле.

Бытие 1:28

ОРЛЕАННА ПРАЙС

Остров Сандерлинг, Джорджия

Представьте гиблое место, настолько странное, что в него невозможно поверить. Вообразите лес. Я хочу, чтобы вы стали его сознанием, глазами, прячущимися в листве деревьев. Эти деревья — столпы с гладкой пятнистой корой — напоминают мускулистых животных, выросших сверх всякой меры. Каждый клочок пространства наполнен жизнью: нежные ядовитые лягушки, воинственно разрисованные под скелеты, сцепившиеся в акте спаривания, прячущие бесценную икру на сочащихся влагой листьях. Лианы, сплетающиеся со своими родичами и тянущиеся вверх в вечной борьбе за солнечный свет. Дыхание обезьян. Змеиный живот, скользкий по ветке. Вереница выстроившихся в цепочку муравьев, обгладывающих секвойю однородными гранулами, которые они тащат вниз, в темноту, своей алчной королеве. А навстречу им — поднимающиеся из гнилых древесных пней кущи выгибающей шеи молодой поросли, высасывающей жизнь из смерти. Этот лес пожирает сам себя и живет вечно.

Внизу, в сторонке, ниткой тянется тропинка, по ней гуськом идут женщина и четыре девочки, все — в отрезных платьях. Отсюда, сверху, они ви-

дятся бледными, обреченными бутонами, вызывающими жалость. Однако не торопитесь. Позднее вам придется решить, какой жалости они заслуживают. Особенно мать — посмотрите, как она, целеустремленная, с тусклым взором, ведет их. Темные волосы связаны рваным кружевным платочком, выдающиеся скулы подсвечены серьгами с крупными искусственными жемчужинами, словно фонариками из иного мира, указывающими дорогу. Дочери следуют за ней — четыре девочки с напряженными, как натянутая тетива, телами, каждая готова выпустить стрелу женского сердца в свою мишень, будь то слава или вечные муки. Даже сейчас, стесненные, словно котята в мешке, они избегают близости: две блондинки — одна маленькая и суровая, другая высокая и надменная, — подпираемые спереди и сзади схожими друг с другом брюнетками; близняшка, идущая первой, нетерпеливо стремится вперед; та, что замыкает шествие, ритмично прихрамывая, едва волочит ноги по земле. Однако они весьма храбро все вместе перебираются через гнилые деревья, повалившиеся поперек тропы. Мать, ведущая процессию, взмахивает изящной рукой, раздвигая занавеси паучьей паутины. Впечатление такое, будто она дирижирует оркестром. Занавеси за их спинами снова смыкаются. Пауки возвращаются к своей убийственной деятельности.

На берегу речушки мать устраивает жалкий пикник, состоящий лишь из волглого крошащегося хлеба с тонкими ломтиками плантана*, посыпанно-

* Крупные овощные бананы, которые перед употреблением в пищу требуют термической обработки. — *Здесь и далее примеч. пер.*

го толченым арахисом. Спустя месяцы умеренного голодания дети перестали жаловаться на пищу. Они молча проглатывают еду, стряхивают крошки и бредут вдоль быстротекущей реки к заводу, чтобы поплавать в прохладной воде. Мать остается одна под сводом гигантских деревьев на берегу. Это место знакомо ей теперь, как гостиная дома в той жизни, которой она не просила. Мать отдыхает, не сказать чтобы безмятежно, в тишине, наблюдая за копошением темных муравьев над крошками их, мягко говоря, скудного обеда. Всегда найдется кто-нибудь еще более голодный, чем твои собственные дети. Подоткнув под себя платье, она разглядывает свои худые голые ступни, покоящиеся в травяном гнезде у кромки воды, словно неоперенные птенцы-двойняшки, не способные подняться в воздух и улететь от беды, которая — она мать чувствует — уже надвигается. Она может потерять все: себя или, еще хуже, детей. А самое страшное — ее, свой единственный секрет. Свою любимицу. Как тогда жить матери с этим чувством вины?

Ей невыносимо одиноко. А потом — уже нет. Прекрасное животное стоит на противоположном берегу реки. Они смотрят друг на друга, каждый из своей жизни — женщина и животное, — удивляясь тому, что оказались в одном месте. Животное, замерев, прислушивается к ней, поводя ушами с черными кончиками. Спина у него в тусклом свете лилово-коричневая, она как бы плавно стекает вниз от покатога горбика плеч. Лесные тени падают на бело-полосатые бока. Передние ноги широко расставлены, как ходули, потому что она застала его в момент, когда он собирался склониться к воде. Не

отводя от нее взгляда, он слегка дергает коленом, потом плечом, которое терзает муха. Наконец, преодолев любопытство, опускает голову и начинает пить. Мать почти физически ощущает прикосновение его длинного, сворачивающегося колечком языка к поверхности воды, будто он пьет из ее ладони. Его голова чуть-чуть покачивается, кивая маленькими бархатными рожками, подсвеченными снизу белым, как изнанка молодых листьев.

Это — что бы оно ни было — длилось всего лишь мгновение. Затаенное дыхание? Муравьиный полдень? Короткий миг, могу вас в этом заверить, потому что, хотя прошло много лет с тех пор, как моей жизнью управляли дети, мать всегда помнит меру тишины. У меня никогда не было больше пяти минут непрерывного покоя. Той женщиной на берегу реки была, конечно, я. Орлеанна Прайс, южанка, баптистка в замужестве, мать детей, живых и умерших. То был единственный раз, когда окапи подошел к реке, и я оказалась единственной, кто видел его, — больше никогда.

Его название я узнала через несколько лет в Атланте, когда недолго пыталась посвятить себя Богу, сидя в публичной библиотеке и свято веря, что все трещины моей души могут быть залечены с помощью книг. Тогда я прочитала, что самец окапи меньше размерами, чем самка, и более робок, и больше о них почти ничего не известно. Веками люди в долине реки Конго рассказывали об этом красивом, странном животном. Когда европейские первооткрыватели прослышали о нем, они объявили его легендарным единорогом. Еще один миф загадочной страны губ, проткнутых костями, и стрел с от-

равленными наконечниками. Позднее, в двадцатые годы, когда в других местах человечество в перерыве между двумя войнами совершенствовало аэропланы и автомобили, белый человек наконец обратил свой взор на окапи. Так и вижу, как он следит за ним через прицел своего ружья и, наведя на него перекрестие, обретает в личное владение. Целое семейство этих животных обитает ныне в нью-йоркском Музее естественной истории — мертвых, набитых ватой, с холодными стеклянными глазами. И теперь окапи, с научной точки зрения, — реальное животное. Просто животное, не легенда. Разновидность лошадеподобной газели из семейства жирафовых.

Но я-то лучше знаю, и вы тоже. Эти музейные, с остекленевшим взглядом, не имеют ничего общего с тобой, мое не пойманное любимое дитя, дикое, как всякий лесной зверь. Твои блестящие глаза неотрывно устремлены на меня, ими на меня смотрят живые и мертвые. Займи же свое место. Посмотри на то, что произошло, со всех сторон и представь, как все могло бы сложиться по-иному. Представь даже, что Африка осталась непокоренной. Вообрази, как те первые португальские искатели приключений приближаются к берегу, осматривают кромку джунглей в свои старинные медные телескопы. И представь, что каким-то чудом — из страха или почтительности — они опускают подзорные трубы, разворачиваются, снова поднимают паруса и плывут мимо. Представь, что все, кто приплывает позднее, делают то же самое. Какой была бы теперь Африка? Единственное, что возникает в воображении, это другой окапи — тот, в кого верили раньше. Единорог, умеющий смотреть прямо в глаза.

В 1960 году от Рождества Христова обезьяна промчалась по космосу в американской ракете; молодой Кеннеди выбил стул из-под почтенного генерала, которого называли Айком; и весь мир повернулся на оси под названием Конго. Обезьяна пронеслась прямо над нашими головами, а на земном уровне люди, запершись в кабинетах, торговались за конголезское сокровище. А я находилась там. Прямо на острие этой булавки.

Меня вынесло туда стремниной веры моего мужа и подводным течением нужд дочерей. Так я оправдываюсь, хотя ни одна из них особо во мне не нуждалась. Моя старшая и моя самая маленькая, обе, с самого начала старались сбросить меня, как шелуху, а близняшки уже родились с тем взглядом, какой позволял им просто смотреть мимо меня на более интересные вещи. А мой муж... о, никакой ад не сравнится яростью с баптистским проповедником. Я вышла замуж за мужчину, который, вероятно, никогда меня не любил. Это было бы посягательством на его преданность всему роду людскому. Я оставалась женой постольку, поскольку это было единственное, что я умела делать ежедневно. Дочери порой говорили: мама, у тебя нет собственной жизни.

Они ничего не понимали. У человека есть только его собственная жизнь.

Я видела такое, о чем они никогда не узнают. Я видела семейство ткачиков, они месяцами вместе вили гнездо, превратив его в чудовищное нагромождение веток, заполненное их потомством, под тяжестью которого дерево в конце концов рухнуло. Я не рассказывала об этом ни мужу, ни детям. У меня есть собственная история жизни, и с года-

ми она все больше и больше давит на меня. Теперь, когда каждая перемена погоды отзывается в моих костях грызущей болью, я верчусь в постели, и воспоминания роятся вокруг меня, словно жужжащие мухи над трупом. Мечтаю избавиться от них, но ловлю себя на том, что проявляю осторожность, выбирая, какие из них все же можно выпустить на свет. Я хочу, чтобы ты признала меня невиновной. И так же, как прежде, меня тянет к твоему больше не существующему маленькому тельцу, я желаю, чтобы ты перестала по ночам гладить мои невидимые руки кончиками пальцев. Перестань шептать. Я буду жить или умру в зависимости от того, как ты рассудишь, но прежде дай мне поведать, кто я. Позволь объяснить, что с Африкой мы какое-то время водили дружбу, а затем наши дороги разошлись, будто мы состояли в отношениях, не имевших шанса на благополучный исход. Или можно сказать, что я была заражена Африкой, словно редкой болезнью, от которой мне так и не удалось окончательно исцелиться. Я даже готова признать, что прибыла туда со всадником апокалипсиса на белом коне и предвидела катастрофу, но все же настаиваю, что была лишь плененной свидетельницей. Кто есть жена завоевателя, если сама не пленница? Тогда кто же он? Когда он является, чтобы покорить первозданные племена, думаете, они с радостью падают ниц перед этими небесного цвета глазами? И вождельно жаждут перемен, которые несут эти кони и ружья? Именно так мы огрызаемся на вопросы истории. Не только я; каких только преступлений не творилось, а мне нужно было кормить голодные рты. Я ничего не знала. У меня не было собственной жизни.